

источниках некоторых древнерусских памятников Г. М. Барацем,⁷⁷ хотя в его работах, обладающих подчас недостаточной доказательностью, немало натянутых сближений.

Однако в громадном большинстве случаев филологами, придерживавшимися компаративистских взглядов и методов, аксиоматически предполагалось утраченное впоследствии византийское посредствующее звено, связывавшее будто бы еврейские и древнерусские памятники. В частности, эта тенденция проявилась в исследовании А. Н. Веселовского легенды «О Соломоне и Китоврасе». Поскольку в русских списках этого сказания встречаются несомненно еврейские слова, оставленные без перевода (например, «шамир» — алмаз, «ног» — птица-гриф), высказывалось предположение, что эти слова были якобы внесены в текст лишь позднее, в XV в., в «эпоху жидовствующих».⁷⁸

Для более точного и объективного исследования вопроса о возможности появления переводов с еврейского в русской письменности киевского периода оказалось необходимым подробно изучить хотя бы один памятник, текст которого вполне достоверен в его еврейском оригинале и о котором известно, что он представлен в русском переводе древнейшего периода. Именно таким оказался текст библейской ветхозаветной книги Есфирь, имеющий резкие и заметные отличия между его еврейским, масоретским подлинником и греческим переводом Септуагинты. Кроме того, из всех памятников переводной письменности, относительно которых можно было подозревать их происхождение от еврейского оригинала, это памятник наиболее хорошо изученный, по поводу его накопилась значительная литература. Изучение этого перевода было предпринято автором настоящей статьи еще свыше 20 лет назад.⁷⁹

История изучения этого перевода весьма поучительна с точки зрения поставленной проблемы в целом.

Первым в русской науке обратил внимание на перевод «Есфири» А. Х. Востоков в 1842 г. В своем «Описании рукописей Румянцевского музея» (рукопись № XXX) он писал: «Замечательно, что книга „Есфирь“ переведена с еврейского и, по-видимому, в России, однако же в весьма древнее время».⁸⁰ Нужно отдать справедливость, что в этих немногих строках Востоковым сказано о происхождении названного памятника вернее и лучше, чем всеми последующими исследователями.

В дальнейшем голоса ученых своеобразно разделились в решении самого кардинального вопроса о происхождении перевода. Одни, как

В. И. Ламанского. СПб., 1906, стр. 129—155. См. также: И. П. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 340—348.

⁷⁷ Г. М. Барац. 1) О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях Начальной русской летописи. — Украина. Науковий та літературно-публіцистичний щомісячний журнал, 1907, март, стр. 362—382; апрель, стр. 41—60; июнь, стр. 314—346; 2) Происхождение летописного сказания о начале Руси. Киев, 1913, 68 стр.; 3) О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских, т. II. Берлин, 1924, 264 стр.

⁷⁸ А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 210, 213, 221.

⁷⁹ Результатом исследования явилась кандидатская диссертация, защищенная на заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР 25 октября 1946 г., и статья «К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода» (Ученые записки Карело-Финского пединститута, т. II. Петрозаводск, 1956, вып. 2, стр. 198—219).

⁸⁰ А. Х. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 25.